

П. ГИЛЯРЕВСКИЙ. ✓

Н. ПАРОВ.

День прошел тяжелею со мной,
 Умелая душа устало,
 К восточному ступившему
 Тишина на пост подчасном
 По-хозяйски спаренный
 По широким улочкам
 И зеленым глазами
 За порядком зорко
 Звезды близко-близко,
 Нагребай пригорю
 Ночь, плывет в чуть слышном
 Снег скрипит под сапогом
 И в рассвет бегущие
 Подвесные души озаряют
 Сны, любимой город, без
 Твоей локон надеждой

Звенит под солнцем сталь — электролитный,
 Страна растет, как буйный сад в чистоту,
 И я в своей шинели темносиней
 Всегда стою на вверенном посту.
 Как часовой, я люблю зреть города:
 И день и ночь, в мороз и в жужженье
 Храню завоевания народа:
 Кипучий труд, заслуженный покой.
 Земное счастье мне свербится,
 Ежеминутно думаю о том:
 «И в мирный день у нас — передовик
 Передний край борьбы с злостью
 Гражданский долг свой с честью исполню.
 Иду туда, где я всего нужней.
 И каждый раз, как календу, повторю:
 Приказ Отчизны — матери моей.

Н. ТРАПКО

[illegible]

ФЕВРАЛЬ. Ночь. Метель. Разумей в ягальном полумбке, в шапке, повязанной башлыком, опираясь на посошок, идет по задутой снегом дороге. У никулинских кузен он свернул вправо. Холодный ветер с колючим снегом бил в лицо, отбрасывая полы полумбки, знобил тело. В Селимове церковный сторож пробил двенадцать. Этот полуночный сигнал прибавил сил

— Кто тут? Аги! Треба какая?
— К вайшей милости, батюшка.

— По мирскому в такую пору не ходят. Сам-то чей будешь, — после минутного раздумья спросил отец Семен.

— Мальцевский я, Разумей — сын Василия. Дело к тебе от нас, от христовичников.

Скрипнули замороженные половицы. Вдохомчанный его свистышенин на растущем подростке открыл дверь и оглянулся. Свежий воздух лез нежданно в гостя. Красное от ветра лицо, запыленные борода и брови заставили его отшатнуться. Огарок чуть дрогнул в руке. Разумей, не принимайши отступать, быстро шагнул через порог, захлопнул за собой дверь, наорал: тяжелою щеколдой. Потом, размотав пашлык, начал обивать заснеженные сапоги.

— Иди в дом. Обогрейся...
— Ну и погодку бог дал! — говорил Разумей, следуя за хозяином.

В кухне он снял шапку, перекрестился на иконы, висящие в углу, распахнул поддевку, и до махнее тепло ударило в грудь. Прикрытую ситцевой с цветочками

— Не чаял добраться! — сказал он, обнимая в руках заснежен-

— Спросишь к тебе, батюшка, что такое любовь, любовь...

— Ну что ж, слушаю, — сказал отец Семен и пригласил к столу, покрытому столешником, хлебными крошками, оставшимися от ужина.

— Может табачку попохает? — весело спросил Разумей, присев на краешек лавки. Он вытащил из кармана разноцветного стекла табачницу и, стукнув по ладони левой руки, протянул ее хозяину дома. Тот, забрав щепотку зеленой пылинки, сузил в нос, чихнул два раза и красным не первой свежести носовым платком вытер нос.

[illegible]

— Не дай же задуматься, — в раздумьи сказал священник. В писании сказано: «несть власти аще не от бога»!

— Оно, конечно, — нехотя согласился Разумей. Потом вспыхнул. Да ведь жизнь-то никакая не жизнь. Хоть ложись да помирай! Достал из кармана стертый медальон.

ный пятак, пристукивал им по столу. А это тебе за труды, ба-
тюшка...

Отца Семен поднялся, расте-
поспину, скрылся за занавеской.
Принес пожелтевший от времени
лист бумаги, пузатые чернила
написали: «Здравствуй, Батюш,
как дул на него, вытёрал его
головой, потом, окуная в чернила,
вытравил потерком вывел: «Еще
превосходительство управляющего
мою господину Веприрскому...»
Разумей все говорил, говоря,
старик Семен, отбавляясь
до дыни, писал, а до мелочи
не доходил, закончена, шепотом
прочитал ее Разумей и тот, по-
выл радужных надежд, бережно
сплюснул лист, сунул за подкладку
шапки.

— Как можно. Меня ждут....

Разумий вышел на улицу. Метель усилилась. В белесом снежном буране он ничего не видел, ориентировался по вешкам, натопканным по обе стороны дороги. До Никулина шел почти наугад, но не чувствовал усталости. Мысли одна светлее другой роились в голове. — «Хотя свиреп и злы Веприйский, а все же человек. Нарочного пошлет к базину Питер, и тот даст послабления».

После Никиткина начался лес. Ветер просто кидался на вершинные сосны. Они шумели, скрипели, размахивали мохнатыми навами, словно хотели вышугать Никиткина. Но он не испугался. Он думаю, что свободу не просят, берут в бою, в стремительном, абсолютном вихре, отбрасывая вперед прочь все, что устарело, что должно уйти прочь.

Двенадцать, тринадцать, четырнадцать. Семьдесят лет. Семьдесят лет тому назад впервые мальчезский поселок, прозванный хозяевами Гусь-Хрустальный. Полюбая бенке, Разумей потайным способом отогнать забор, вошел в дом. На лавках, на полу дарили люди—Иван Никитин, Семья Васильев с сыном Степкой, Гавригорий Ерофеев, Иван Калаш

— Ну как? — спросил из темноты катящийся шарик.
— Принес, — ответил Разумей, распорядился шубами закрыть окно, вальсует светик. Потрескивает загорелась лучина. Разумей указал бумагу, рассказал, что писано в ней. И вдруг стало так неожиданно: в дверь стучало несколько здоровенных кулаков. Потом она полетела прочь, а шубушку порвалась, дулики построенная дворян, чалась свалка. Заговорчиков в заля, отдели во двор управляет шего, а утроем следующего дня

подводах отправили в Мелекиты. Когда судья Починин определял меру наказания—каждому по пятнадцати ударов плетью,—их привезли в Гусь-Хрустальный и ту же, перед гудом, приговор привели в исполнение.

[illegible]

— Новый стол! — крикнул он.

Степана связали со сканьми мери-
вым, а мать на руках унесли до-
мой. После иззекуции управлен-
щий обратился к рабочим с при-
зывом беспрекословно подчинять-
ся хозяйину, жить в страхе бо-
жьем.

В угрюмом молчании, проклиная хозяев, люди расходились по домам и скоро около гуты никого не осталось, только на снегу алели пятна крови.

Даль весенняя горит,
 В море света тонет.
 Март сосульками звенит,
 Как на ксилофоне.
 Вышел по дурку с утра,
 Вижу у колодца:
 Деревянный наш журавль
 Кланяется солнцу.

РЕМ НОЧНЕВ.

Швырнули собачонку в воду.
(Всегда найдется лиходей).
Она, задрал в испуге морду,
Плыла подальше от людей.
Собачье худенькое тело
Несла холодная вода.
Но бегущая по воде собачка

Сколько песен сложено в
народе
О России солнечной моей,
О ее чарующей природе,
Про ее отважных сыновей!
Если б рай земной
пообещали

Где-нибудь мне в дальней
стороне,
Я б сказал: Владимирские
дали
Рая всякого дороже мне!
Не нужны мне Нил и
Амазонка,
Мне не нужен аромат мимоз
Мне мила Ока волною
звонкой.

Ее поймы с рощами берез
Я люблю раздолье низ
 российских,
Песни наших слет и городов
И цветы дубов моих
 росятных,
И метели зимних вечеров.
Я люблю тебя я больше
жизни,
Гуся-Хрустального, город
 мой родной!
Я люблю советскую отчизну
С ее сердцем — пламенной
 Москвой!

— Почему Ваша машина оклеена с одной стороны в голубой цвет, а с другой — в красный? — В этом есть большой смысл. В показаниях свидетелей было такое противоречие.

—Послушайте, — воскликнула одна дама, сбившая с себя свой мешок, — вам надо бы повзрослеть. Я очень молода, и семь лет для женщины — Уважительная, мой жених этот лет. Я умею ходить в пятьдесят четыре года.

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

3 стр.

3 стр.
23 МАРТА 1963 ГОДА

обл. ул. Калинина, дом 16,
отв. секретаря—2-60, отде-

Завед. 1121